

18+

Илья Либман

Мармеладные каникулы

Илья Либман

Мармеладные каникулы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34709050

SelfPub; 2018

Аннотация

Молодая женщина из Тбилиси получает сообщение от почтальона, которого никогда не видела раньше. В сообщении говорится, что она выиграла конкурс на изготовление мармелада из тутовых ягод. Для получения приза ей нужно лететь в Париж через два дня. В Париже ее встречает человек, похожий на почтальона, доставившего ей сообщение о конкурсе. Фотография, использованная для дизайна обложки, сделана автором.

Содержание

Илья Либман.	4
Глава вторая	8
Глава третья	14
Глава четвертая	17
Глава пятая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Илья Либман.

Мармеладные каникулы.

Глава первая

Ей не нравилась эта затея с самого начала, и успокаивало только одно: можно просто нажать на кнопку, и все сразу закончиться. Но она не торопилась нажимать. И теперь все произошло. Недаром кто-то из умных написал, что промедление смерти подобно.

Все было пока не так уж и плохо: дети с Принцессой в корзине укатили на маршрутке к бабке в деревню, дымовую трубу они починили, и 2 недели у нее все-таки есть, чтобы передохнуть.

Было еще совсем рано. Она лежала на спине и разглядывала сизо-голубые подтеки на потолке, которые выглядели материком или океаном на чужой планете.

Что-то неправильно было с матрасом – он тянул ее скатиться в середину кровати. Она повернула голову направо и была неприятно удивлена, что лежит почему-то не одна. Сердце заколотило отбойным молотком: «Меня изнасиловали, но я ничего не помню... Кто этот человек? Что ему еще надо, если он уже сделал свое грязное дело?»

Она медленно выскользнула из-под пестрой простыни ногами на пыльную овечью шкуру и отметила про себя, что пи-

жамка – на ней; и верх и низ, и даже бантик завязан благопристойно.

«Может быть и не изнасиловали, а только собирались» – Она посмотрела на этого, явно мужчину. Что он делал в ее кровати... без разрешения. Так сразу было не понять.

«Может быть он не живой, может быть его подкинули, чтобы потом все свалить на нее?» – была ее следующая мысль.

Мужчина заворочался во сне, и она вздохнула: «Слава Богу».

Вика потянула свой сарафан со спинки стула осторожно, чтобы не выпала мобилка из кармана. Телефон был на месте. Две черточки показывали, что можно позвонить. Медленной павой она выплыла из комнаты, а потом быстро прошмыгнула во двор под тутовое дерево, которое в народе называют шелковицей и задумалась.

Звонить в милицию она не могла – что она им скажет, что нашла в своей постели спящего мужчину, который сам забрел к ней без приглашения и заснул... Позвонить Сергею – выглядело еще большим самоубийством, а потом ее кольнуло в глаз изнутри – а что если совсем не звонить никому, а просто разбудить его и поговорить по-хорошему. Ну сказать, например, что ему на работу пора.

Идея показалась ей самой жизнеспособной, но пока не хватало внутренних сил, чтобы войти в дом. В уме она затянула для спокойствия какую-то хлопчато-уборочную песню

без слов и двинулась в спальню.

Может быть, он сомнамбула безвредный и чей-нибудь гость, перебрал молодого вина и пожаловал по велению ног к ней.

На всякий случай, прихватив бывалую скалку, она вошла в комнату. Простыни на кровати больше не было. Не было и мужчины. Она с надеждой заглянула под кровать, но и там было пусто.

Утро предыдущего дня было довольно обычным до прихода почтальона, которого она раньше никогда не видела. В общем-то, нормальный такой почтальон с толстой сумкой на ремне в синей форменной фуражке, только почему-то с перебинтованной головой. Он вручил ей заказное письмо и попросил расписаться в реестре.

Конверт был большой и желтый, а почтальон смотрел одним не забинтованным глазом, и ей даже показалось, что он улыбался хитро, как дельфин. В конверте лежало сопроводительное письмо, которое гласило, что она выиграла sweepstake, и ей предлагается немедленно лететь в Париж, а оттуда дальше, но куда сказано не было. Кроме письма в конверте лежал заграничный паспорт на ее имя, с фотографией, которую она даже и не помнила, но полосатая футболка на фотке была точно ее. В паспорт были вложены таможенные декларации со штампом проверено/оплачено и билет на самолет.

Первая мысль, которая пришла к ней в голову была, что

времени сейчас всего 10 утра, и она все успеет сделать. И засмеялась от такой глупой мысли, как если бы к ней привели живого тигра и сказали, что цирк закрыт на обед – не могла ли бы она присмотреть за зверем часок-другой – за ним обязательно зайдут, и она непринужденно согласилась. Поймав свое отражение в зеркале, она сказала себе, что все успеет сделать, если не будет сидеть вот так перед зеркалом... в ожидании тигров. Еще в конверте лежали новенькие деньги-евро, которых еще никогда не сгибали.

«Должно быть, фальшивые или из какой-нибудь детской игры» – подумала она, но сердцем чуяла, что деньги настоящие, как и все остальное.

Это все было вчера.

Она действительно все успела сделать: и всем перенести уроки, и собрать и отправить девочек, набить холодильник и поговорить с отцом по телефону о завтрашнем срочном отъезде, и договориться с соседкой на счет поливки цветов и другой ерунды. А теперь она сидела в пижамке с неиспользованной скалкой в руках и думала, что не держатся у нее мужчины в доме и не прощенные в том числе.

Глава вторая

Собраться за границу за один день для нее было довольно просто, потому что первой остановкой был Париж. а кто же едет в Тулу со своим самоваром.

Хорошо еще, что не в штаты, где женщины, говорят, переодеваются к каждому приему пищи. Она где-то читала, что это помогает им быть своего рода неузнаваемо-новыми для, скажем, своих мужей и очень освежает их отношения.

Другая планета. Люди сами придумывают себе работу: приезжаешь из такого отпуска и пока перестираешь все или отдашь в чистку, нужно уже в следующий отпуск собираться.

Но одну и ту же одежду с собой брать не принято 2 раза подряд, потому что тогда и отпуска сливаются, когда начинаешь вспоминать, где ты была в этом платье. Оно может явно не совпадать с партнером, который совсем из другого отпуска, но как-то проник на эту фотку.

И не дай Бог встретить знакомых, которые тебя уже в чем-то видели – могут пойти слухи.

Так она себе с иронией думала о несчастной женской доле в некоторых развитых странах с недоразвитыми взглядами на носильные вещи.

Ее ловкий чемодан на колесиках уместил в себя все, что могло пригодиться и не только за границей, а и вообще в отпуске, а может и в жизни. Иначе говоря, она не делала раз-

личий.

Все было переделано, а уходить из дома было рановато, и Вика решила позвонить кое-кому и сказать, что бы ее не искали, и потом, не обижались, что ее никогда нет дома. На вопрос «куда едет так срочно» она отвечала, что сначала – в Париж, а там видно будет – как и было написано с сопроводительным письме. После такой фразы разговоры быстро закруглялись почему-то.

Полет был на самолете какой-то немецкой компании, и пассажиры вместе с провожающими толпились перед входом в терминал для международных перелетов, не желая расставаться в эти последние минуты. Никто, конечно, не плакал, потому что люди ехали в гости или возвращались домой. Было среди улетающих и несколько странно выглядевших французов в сувенирных кепках «аэродром» и увешанных инкрустированными серебром рогами.

Самолет пах изнутри французской кухней.

«Неужели они будут готовить прямо на лету?» – подумала Вика. Всем выдали наушники и сразу стали учить французскому языку – 2 стюардессы в проходах показывали синхронные упражнения с кислородной маской и надувными подушками.

«Говорят, что этот вид спорта успеют утвердить к следующим Олимпийским играм» – мелькнуло в ее голове – «французский юмор.»

Золотозубый красавчик не отрывал от нее глаз – должно

быть, высчитывал кому и кем она приходится, и не опасно ли войти с ней в контакт. У Вики был достойный ответ, чья она девушка, если что – работало-зашибись.

Очень скоро в проходах началось обычное хождение. Вика читала где-то, что это, своего рода, воровской атавизм, которой исчерпал себя и умер, как часть профессии, но по-прежнему стойко живет в обычном путешествующем обществе.

В далеком прошлом, сразу после лошади, но еще до самолета, люди перемещались на поездах, и воры-наводчики первыми устремлялись со своих лавок «за кипяточком» через весь состав, делая пометки в уме, где что лежит. Если принять во внимание, что поезда бывали больше 15 вагонов длиной и обычно «обслуживались» одной шайкой с одним обозревателем, то трудно не удивиться такой замечательной зрительной памяти, но вовсе не на службе у прогресса.

Разнесли газированную воду и салфетки, пропитанные чем-то мужским, но все-таки приятным.

Соседка слева через проход стала шептать Вике, чтобы та не пила эту воду, потому что если это вода Виши, то она может повлиять на пищеварение быстрее, чем хотелось бы. К сожалению, ее шепот оказался общедоступным, но многие теперь недобро смотрели на нее, а вовсе не на соседку через проход. Некоторые даже в голос упрекали: «Что же теперь от жажды умирать?» Ей неожиданно стало весело, и она смело допила свою воду.

Сосед справа был развернут затылком в салон, как будто ему скрутили шею. Он смотрел в окно. Вика обратила внимание на его ухо. Оно было отчаянно розовым и светилось само по себе.

«Хорошо иметь такого проводником в темном лесу – не заблудишься. если бы он еще и говорил...» – продолжала она свою мысль.

Сосед вдруг заговорил про то, что видит, не поворачивая головы. Вика подумала, что она должно быть давно не летела в самолетах в международных масштабах и отвыкла от людей в полетах: с одной стороны – вода Виши, с другой стороны – объяснения о рельефе местности. Голос, однако, не был громким или назойливым – он просто укачал ее в дремоту, а потом – в сон.

Вика проснулась неожиданно от мысли, что она проспала свою остановку. пассажира слева больше не было у окна, а она была укрыта серым летным одеялом.

Свою остановку она не проспала – все сидели на своих местах и теперь больше молчали, чем раньше. Загорелись лампочки, предвещающие скорую посадку, и стюардессы побрели по проходам, проверяя наличие пассажиров на местах и ремней безопасности на пассажирах.

У Вики спросили про соседа слева, она серьезно заглянула под кресло, а потом к себе под одеяло и отрицательно помотала головой.

Люди через проход по-прежнему смотрели на нее недоб-

ро, видно так и не смогли простить ей разговор про воду.

Она подготовила декларацию прибытия, паспорт и обдуривала, как же все это произошло и что будет дальше. Хорошо еще, что у нее были официальные бумаги и настоящие деньги. Вика подумала, *что если ее никто не встретит, то она быстренько обделает свои парижские дела да и улетит себе домой – денег эй должно хватить. Если в больших отелях будет слишком дорого, то она не такая гордая – может пережить пару ночей в каком-нибудь пансионе.*

Первым делом, конечно, нужно поехать на кладбище Пер Лашез – поклониться праху Джима Моррисона и французским коммунарам, только потом уже на Елисейские поля и в театр Комеди Француз – интересно, что у них сегодня дают?

Потом Монпарнас 19, Эйфелева башня и Лувр.

В эту минуту легкий толчок остановил ход ее мыслей – самолет приземлился и теперь выруливал к посадочному терминалу.

Здание аэропорта было Вике очень знакомо из десятков французских фильмов. Сквозь безразмерные стекла она уже видела эклектичные эскалаторы и французикиоов на них. Как, все-таки, плохо, что она не знает их языка. Одна надежда, что много говорить не придется кроме «здрасьте-досвидания».

Теперь самолет полностью остановился, и всем разрешили встать и двигаться к выходу. Впереди Вики шел все тот

же мужчина, весь обвешанный чужими рогами. Он оказался вовсе не туристом, а просто был в гостях. Это Вика узнала из его чертыханий. Вообще-то, рога были ему очень к лицу. Он походил в них на какого-то лейб-егеря, который вместо королевской охоты под Фонтенбло, случайно попал на борт самолета.

Рога, однако, беспокоили Вику тоже – они упирались в нее при каждой его остановке. Она предложила ему понести па-рочку не слишком больших и острых. Он посмотрел на нее, как на спасительницу, и жарко произнес: «Я вам этого никогда не забуду, держите эту пару – они ваши навсегда».

Вика улыбнулась ему: «Нет, ну что вы, мы с вами даже не знакомы, а вы мне рога с собственного плеча. Я ведь просто предложила помочь донести до конечной точки».

«Дэвушка, Франция очень пьющая страна, так что иметь свою тару – большой плюс, да и на таможне у меня могут быть неприятности...».

Глава третья

Теперь они уже двигались по длинному коридору, одна стена которого была закрыта темным стеклом, за которым на-верняка сидели специальные агенты и тщательно рассматривали вновь прибывших с целью выяснения из причастности к мировому терроризму.

Вика на всякий случай сделала безразличное лицо и улыбнулась солдатам незримого фронта.

После прохождения через таможню все выкатились в зал со встречающими, которых было довольно много. Отдельно от них стояли лимузинщики в фуражках и униформах с маленькими транспорантиками в руках. Ни на одном из транспорантиков не было Викиного имени.

Она докатила свой чемоданчик до удобного для обзора места и остановилась. Как ни странно, среди встречающих были одинокие мужчины с совсем неплохими внешними данными. Она даже подумала, что могла бы подойти к любому из них и сказать всепобеждающее «ну наконец-то». Просто она созрела как Т. Ларина, да случай не подворачивался.

Мужчины тоже обозревали Вику, но только выражение их глаз не давало таких уж пылких обещаний. Они смотрели на ее багаж с недоверием – с такими чемоданчиками международно путешествуют только знаменитости или люди без пристанища. а когда чемоданчик дополнен парой рожек, ловко

перекинутых через плечо, то это была и вовсе неразрешимая задача для среднего француза. Вика понимала, что именно рога ее главный козырь в данную минуту. Незнакомый местному населению аксессуар женской одежды поражал своей многогранной конкретностью: то ли эти рога привезены сюда с целью оставить их здесь, то ли они – откровенное предложение сервиса, то ли – знак незабытого прошлого.

Она подумала, что снимать лирические франко-грузинские комедии не так уж и сложно. Нужно просто осчастливить хорошенькую девушку из предместий выигрышем конкурса на лучший рецепт приготовления миндального печенья, который будет вручен под той самой триумфальной аркой в том самом Париже. Билет и виза прилагаются. Далее к ней подставляют умелого оператора со скрытой камерой в паре с умелым звукорежиссером, и все происходит само по себе. Отличная мысль – надо будет доложить в центр. И улыбнулась.

Улыбка была правильно воспринята одним из встречающих. Он и сам улыбался уже знакомыми глазами и губами и шел к ней навстречу. Вика представляла его другим, так что придется знакомиться и привыкать сначала. Может быть, это даже и лучше, что у нее с ним нет истории. Но у него с ней – есть. А может быть тоже нет – какая история у тебя может быть с человеком, который во все время общения прячет свое лицо за предметом бытовой техники... конечно он полезет целоваться до того как представится – это же Франция.

Вика не называла его по имени, даже внутренне, потому что его до сих пор никогда и не было. Но теперь, видимо, придется хоть как-то называть. Как вести себя с ним – мы ведь совсем не знакомы. Он мне что-то уже говорит, но почему-то нет звука, а только одно изображение и запах.

Сказочник остановился в шаге от нее. Он говорил, что рассмотрел ее сразу, одинокую с чемоданчиком для командировочных на пару ночей и прикольными рогами через плечо. Он понял, что она его еще не слышит, так что лезть целоваться пока не стоит – может неправильно понять или даже отреагировать. И он продолжал говорить.

Наконец-то дали звук. Его голос похож на тот, что она слышала через наушники, но более эмоциональный и звонкий. Она хотела сказать «Привет», но сказочник больше не желал ждать – он легко полюбил ее, и каким-то загадочным образом ее ладонь уже была на его затылке, а его губы нежно касались ее щеки около самого уха. Было знакомо и приятно. Вика замерла на чуть дольше, чем сама того ожидала, но чувствовала себя при этом отлично. Сказочник провел большим пальцем по ее брови и сказал: «Как хорошо, что у тебя немного багажа – в городе невозможно запарковаться и на мотоцикле.»

Он покатил ее чемодан к дверям и спросил на ходу, как был полет. Она сказала, что все было вполне по-европейски, она даже вздремнула, и ее заботливо укрыли.

Глава четвертая

Они вышли из терминала и через несколько минут уже сидели в маленьком Рено.

– Ты ничего не забыла привезти с собой из того, что было написано в письме и инструкции?

– А разве там была какая-нибудь инструкция? Я ее не видела и поэтому ничего и не привезла. Как говорится, кто едет в Тулу со своим самоваром?

– Ты же выиграла конкурс на лучший тутовый мармелад и награждена за это фирмой Бон-Бон денежной премией и поездкой сюда. В инструкции были указания по поводу промышленных образцов твоего мармелада и нотариально заверенных рецептов на его изготовление на 7 языках. Где это все?

Вика рассеяно достала все тот же конверт и вывалила себе на колени его содержимое. Все это она уже видела бесчисленное количество раз и была уверена, что никакой инструкции там не было. Так оно и оказалось.

– Что же мы теперь будем делать, Булюль? Я ничего не знаю про мармелад, кроме того, что его хорошо макать в кагор или пить вприкуску. Разве мармелад делают из шелковицы?

– Мармелад, как и самогон, делают из всего, вплоть до молодых побегов кактусовых деревьев. Я про мармелад не так

много знаю, видимо, придется подучиться и создать необходимый рецепт на 7 языках. Я-то грешным делом подумал, что ты выиграла другой конкурс – по дегустации красных вин и приехала со своими рогами, как орудиями производства.

Сказочник замолчал и смотрел на дорогу, а Вика – на Сказочника и подумала, что раз она ничего не нашла в конверте, то это и не ее забота о мармеладе беспокоиться – смотреть надо, что в конверты кладете, граждане. Тогда бы и проблем у всех было меньше. Но в следующую секунду врубилась, что будь в конверте злополучная инструкция – она бы никогда и не попала бы в Париж, потому что мармелад она делать не умеет, а бегать по лавкам в поисках... идут они – пляшут с этим Парижем...

Сказочник заговорил как раз в ту секунду, когда конец ее мысли уперся в вид из машины – два высоких здания, одним из которых было Эйфелева башня. У нее опять пропал звук должно быть от внезапной близости символа Парижа. Сказочник открывал рот, как рыба, и нимало не заботился, что она его не слышит, а говорил-то он вещи очень важные, как раз про то, что они теперь будут делать на счет мармелада. Как только он закончил говорить и спросил: «Хорошо?» – звук вернулся к Вике и она ответила: " Наверное, хорошо.»

Они быстро ехали по не слишком занятой магистрали по направлению к центру города.

По радио непривычно картавили какую-то песню. Сказоч-

ник заговорил опять: после книжного магазина они должны будут поехать в гостиницу, оставить там вещи и пойти поужинать. Вика вдруг заволновалась: почему он говорит обо всем таким обыденным тоном, как путеводитель какой-то, но тут же себя урезонивала – что же ему, по-вашему, в агонии биться на середине магистрали, это тебе не Дюбай какой-нибудь, а Европа, но волнение не проходило. Еще полно времени, чтобы привыкнуть к нему и к мысли, что они будут вместе. Может быть, когда у него руки не будут заняты рулем, он станет обычным парнем. Сказочник поймал ее пытливый взгляд через зеркало и сказал, что на фотографиях она выглядит совсем иначе – в жизни часто так бывает и интровертами. Она сказала, что не думает, что она чистый интроверт, хотя бы потому, что профессия у нее экстравертная, просто она немного устала от всех этих передвижений на большие расстояния за короткое время, но когда отдохнет и разойдется, то будет, конечно, другой. Вот, например, когда она выпивает вина, то становится довольно смешливой, даже, может показаться, глуповатой. Сказочник переспросил: «глуповатой? – не похоже.»

Потом он сказал, что ему этот выбор на счет гостиниц одному делать было довольно обломно – он ведь не знал, любит она кофе в постель или спускаться для общения с плебсом, хорошо, что она согласилась с его выбором.

– А разве выбор уже сделан?

– Ты же сама сказала «наверное хорошо», но если не по-

нравится в Слоне, то придумаем, чтонибудь другое.

– Что значит в слоне?

– Ты какая-то расеяная, девочка моя, тебе в самолете через окно не надуло? Слон – это 4-х звездная гостиница на 4 номера с маленькой совмещенной кухонькой, но отдельными ванными, конечно. Я сам там никогда не останавливался, но подумал, что раз ты к зверью с симпатией относишься, то Слон для первого раза в Париже – не так уж и плохо.

Вика решила, что все это похоже на розыгрыш, но «портить обедню» не хотела, а решила подыграть.

– Слон на территории зоопарка или его выводят на определенные часы оттуда?

Сказочник засмеялся: «Гостиница Слон стоит на одном и том же месте со времен Гавроша, просто знаменитую статую заменили зданием в форме слона в знак уважения к знаменитому писателю парижских трущоб.

Они уже давно катились не так быстро по улицам города. Вика с интересом смотрела на парижан. Парижане выглядели довольно неказисто, и почему-то почти все были с собаками.

Прямо, как выставка беспородных собак с такими же хозяевами. На многих были ярко желтые или оранжевые дождевики из дешевого пластика.

Архитектура тоже пока не очень пленяла. Сказочник как будто бы понял по выражению лица причину ее удивления и сказал, что это все еще окраина, дома здесь в основном до-

вольно старые и не ремонтируются так часто, потому что их владельцы не так богаты из поколения в поколение. Просто все это переходит в наследство от одних к другим почти что со времен ренессанса.

В конце концов они остановились недалеко от книжного магазина, и он, как заговорщик, посмотрел на Вику. Она сказала себе, что ей возникать с вопросами не стоит, а то разволнуется и опять звук пропадет, и опять что-нибудь пропустит – пусть он ее ведет, куда ему надо. Ей всюду в Париже хорошо.

Книжный магазин ей понравился сразу, потому что там можно было сидеть на диванах, курить и заказывать еду. Она даже подумала, что книги здесь всего лишь для обстановки. Их, конечно, было много, и их выбирали и продавали, кому нужно, но были тут и другие посетители, которые сидели за столиками и просто читали газеты и журналы или даже играли в настольные игры, но не слишком азартно.

Сказочник усадил ее за стол и спросил, как она отнесется к горшочку лукового супа. Она ответила с серьезным лицом: «Луковый суп, луковый суп, я тебя съем!», и сказочник сразу удалился.

Луковый суп подавался в горшочках, сделанных из хлеба, и крышка на горшочке тоже была из хлеба. Крышкой надо было этот суп хлебать как ложкой. Когда уровень супа понижался, можно было обламывать стенки горшочка и их тоже есть. Сложнее было дело с сыром, который тянулся до бес-

конечности. Суп был очень вкусным и сытным. Пришлось запить его эспрессо, чтобы не упасть в сон.

Пока она ела и пила, сказочник носился к книжным полкам и тащил на стол тома кулинарных рецептов всех времен и народов. Вика подумала, что у человека есть явно опыт работы с реферативной литературой и решила ему не мешать. Она, конечно, спросила его – не нужна ли ее помощь.

Он ответил: «Неа, я быстро, ты пойди потусуйся в русский отдел» – и указал рукой приблизительное направление.

В русском отделе на высоком табурете сидела явно русская женщина, наверняка в прошлом красавица, с таким тонким носом, что было понятно без всяких слов, что она из настоящих бывших. Она посмотрела на Вику и сказала: «Здравствуйте».

Вика слегка кивнула ей в ответ и поспешила пройти к книжным полкам.

«Белогвардейская достопримечательность» даже и не посмотрела ей вслед. Книг было довольно много, но знакомых авторов она не видела совсем. Ей стало грустновато, и она вытянула чуть выступающую наружу тонкую книжонку без названия. Ее автором был И. Куликовский. Срез страниц внизу был грязноват, это значило, книгу эту почитывали. Вика облокотилась спиной на стену и открыла книгу. Она подумала, что сказочник все равно еще занят, так почему бы ей и не почитать в Париже после лукового супа, и начала

...Так уж случилось, что после долгих лет совместной

жизни, оставшись одиноким, меня метнуло, как из пращи, в направлении женщин. Не то, чтобы при жизни жены я не общался с прекрасным полом, но это было совсем другое дело. Во-первых, я не рассматривал их таким образом, как это стал делать сейчас.

После субботних походов в кино, сидя за вечерним чаем, я обращал внимание на входящих и выходящих из кафе женщин. Некоторые из них смотрели на меня. Пару раз я затевал разговоры на взаимно не интересные темы, мы сидели некоторое время, занимаясь оценкой. Потом желали друг другу «доброй ночи» и прощались.

В тот период моей жизни я стал значительно больше уделять времени бегу. Лето было умеренно сухим теплым, так что после 6 часов вечера я ежедневно выходил на тропу. Другие бегают под музыку или под разговоры между собой – я люблю бегать сам по себе.

Однажды на тропе я пересекся с женщиной, которую видел почти что каждый день в поезде по пути на работу. Она явно была разведенкой – от нее так и пахло на весь вагон свободой от семейных уз. Если в поезде мы едва кивали друг другу, то здесь все случилось иначе. Я сказал ей, что теперь понимаю откуда у нее такой глубокий загар и такой исключительной стройности ноги. Она полу безразлично улыбнулась. Мы бежали вместе какое-то время молча, потом я предложил ей встретиться, но не на бегу.

Мы стали с ней встречаться не только в поезде, но и после

работы-в Манхаттане. Она была каким-то редактором глянцевого журнала женского направления.

Через 2 месяца, после очередного забега мы решили пойти в душ вместе. Для нас обоих это было определенным шагом: она не была с мужчинами после развода – больше 3-х лет назад, а у меня не было никого с того самого первого апреля.

Оказаться в душе с полужнакомой бегуньей среднего возраста размера номер 2 встряхнуло меня значительно. Не то чтобы я краснел или забывал, зачем у меня в руках мыло, а просто смотрел и трогал женское тело, к которому у меня не было ничего, кроме любопытства с примесью легкой похоти. Жаклин, или по-простому Джеки, дала мне намылить себя, тихо положив руки на мои плечи. Мы молчали и просто напряженно мылись.

Первое, что я сказал ей, было, что ее ниже-пояса зона совсем заброшена, уж не от любви ли к художнику Курбе. Она рассмеялась и сказала, что такое извинение намного эстетичнее, чем те, что у нее на уме.

Видно, я ее недостаточно впечатлил как мужчина, или она ждала чего-то особенного, но вышла она из душа сразу, как только закончила омовения. Меня это задело, я догнал ее на пути из ванной и обнял сзади. На ней уже была длинная футболка одетая на голое тело, на мне – только капли воды. Она повернулась ко мне и поставила одну ногу на радиатор отопления. Я тронул ее раздвинутые губы и был абсолютно

готов к восхождению. Джеки взяла меня, как старого друга и подсадила в нужное место. У нее была маленькая спортивная грудка с большими, как изюминки, сосками, тугая и бархатная на ощупь. Мне пришлось чуть наклонить голову чтобы взять одну из них почти полностью в рот. Джеки играла в «Малую волну». Это когда один из двоих толкает другого короткими волнами.

Я читал, что такую технику используют одинокие мужчины – отъявленные мастурбанты, подкладывая под себя кусок парной говяжьей печени. Это позволяет быстро «кончить» и вкусно поесть потом.

Джеки была на удивление тесной и упругой. Большой перерыв в сексе был для нас обоих непростым испытанием: выбранная позиция не девала нужной для первого раза телесной близости, мы никогда по-настоящему не целовались и не трогали друг друга до того и не представляли, что мы скажем сразу после. Был только один плюс – мы не были так уж молоды, и, чтобы не произошло в последствие, не могло нам навредить.

Все эти мысли проявлялись в моем сознании в то же самое время, когда тонкий, но сильный звук приходящего ко мне оргазма подсказал поменять позу на более прозаичную – я развернул девушку к себе спиной и подтолкнул к ступеньке в ванную. Теперь она стояла, как купальщица с картины Секеи – загорелая, перегнувшаяся пополам, но без полотенца. Я торопился войти и, может быть, ворвался и растолкал что-

то сильнее, чем следовало. Ее рука прижимала мое бедро с неженской силой. Это только придавало уверенности и колорита. Я держал ее за низ плоского живота и думал: «Как в академической двойке».

Через пару минут она забилась, как крупная рыба – большими и сильными толчками, а я все не мог остановиться и не менял темпа. К моему удивлению она сразу включилась в новое восхождение на полном ходу, слава Богу, мы приехали одновременно на этот раз и сошли на одной станции.

Я стал бывать у нее дома 3—4 раза в неделю. У нас были странные отношения, если это можно было так назвать.

Она читала горы литературы, связанной с ее работой. При этом я говорил ей что-то свое, она реагировала по теме, но не слишком многословно. Иногда я готовил еду, пока она печатала что-то. Пожалуй, единственное время, когда я видел ее лицо, за исключением постели, было во время обедов.

Она ела довольно красиво и ловко. Было видно хорошее воспитание в ее семье, практикуемое несколько поколений назад. Она хвалила мою готовку, и после финального стакана вина залезала ко мне на колени. Каждый раз, когда такое происходило, я был тронут и смущен. Ее сильные мягкие руки с короткими полированными ногтями бороздили мое ближнее подрубашье и ворошили волосы. Я пытался отвечать ее ласкам, но чувствовал себя не очень в своей тарелке: мое знание языка не позволяло быть естественным для ситуации, я боялся сказать несуразность и поэтому больше

молчал. Джеки или понимала это или видела все по-своему. Так или иначе – ее это устраивало. Она тянула меня со стула на ковер на полу или на узенький диванчик, драпированный замшей лет 200 назад. Или отпускала заниматься приготовлением чая и мытьем посуды – все зависело от партии.

Я обманывался с посудой пару раз. На самом деле руки в резиновых перчатках абсолютно не давали возможности сопротивляться насильственному раздеванию. Она стягивала с меня брюки и белье, задирала рубашку и трогала меня. Я старался не улыбаться. Это было не просто раздевание, как прелюдия к сексу – это был профессиональный обыск. Иногда она искала на мне необработанные алмазы, как доказательства наличия природных ресурсов моей страны, иногда это были образцы синтетических наркотиков, позволявших увеличивать человеческую силу в десятки раз – разрывать пасти львам и медведям и запрыгивать без разбега на 4 этаж.

Все это бывало спрятано в районе моей мошонки, но почему-то сразу не бросалось в глаза. Я терпеливо ждал. Мой орган был поделщиком не совершенного преступления и допрашивался первым. Ласка и обещание быть прощенным в случае добровольного признания доводили его до экстатического состояния, согласного подписать любой протокол и пойти на любую инфильтрацию в ряды противника.

Как выходец из восточной Европы я был небольшим любителем орального секса. Теперь могу сказать – почему. Все, что случалось в этом плане со мной до знакомства с Джеки,

было, в лучшем случае, слабой пародией на настоящий процесс. Помню как однажды, уставшие от очередной сессии, мы лежали на спине. На моем животе стояла миска с черешнями на черенках. Восхищаясь ее мастерством, я спросил, как она это делает языком, что для меня все небо в овчинку сжимается. Она посмотрела на меня, как на младшего брата по разуму, отломил ягодку с черенком и положила себе в рот. Что-то поделала там и достала изо рта веточку, завязанную на двойной узел. Владение языком было ее очевидное форте.

В один из пятничных вечеров я приехал к Джеки с тем, что бы вместе выйти на беговую тропу, а потом провести вечер и, если обстоятельства и желания позволят, то и следующее утро.

Сейчас, думая задним умом, я сожалею, что предварительно не позвонил ей по телефону, а приехал незвано. Поднявшись в ее квартиру я нашел ее в компании молодой женщины довольно громкой и по-хозяйски бесцеремонной. Джеки представила ее мне, скорее механическим голосом, мол, это моя Диана, приехала из города провести со мной выходные, но так некстати – у меня дикое количество работы: нужно начать и кончить до понедельника...

Диана посмотрела на меня изучающе и сказала, что если родная мать так занята, что не может уделить единственной дочке времени, то может быть ее друг мог бы развлечь ее – не ехать же ей назад в этот жаркий Манхаттан, не солоно на-

хлебавшись. Джеки просительно посмотрела в мою сторону, но ничего не сказала. Я, конечно, предложил свои услуги, и мы договорились, что завтра утром я заеду за ней, и мы пойдем играть в теннис.

На следующий день мы встретились с Дианой и играли в теннис прямо с утра. Солнце начинало печь поиюльски, и меня беспокоила мысль, что мне делать с ней после тенниса – не везти же ее сразу домой к Джеки: она ведь работать ей не даст да и жить тоже.

Надо заметить, что играла она со мной как бы в пол силы, отвлекалась на соседние корты – будто хотела увидеть кого-то, но выиграть мне не давала, несмотря ни на что. Меня это обстоятельство сердило, и было видно на моем лице: и когда мы менялись в очередной раз полями и проходили друг около друга, она сказала, чтобы я не думал, что я слабак – это просто она в прошлом чемпионка и ракетку держит с 5 лет.

После тенниса мы решили посидеть в парке. Она оказалась интересной собеседницей на бродвейские темы: я спрашивал ее, а она отвечала, не односложно, как здесь это принято, а настолько развернуто, что я подумывал, что она просто использует меня как свою будущую аудиторию. Я внимательно и слушал и кивал.

Время пронеслось незаметно – можно было ехать по домам, но на всякий случай я решил предложить ей заехать ко мне домой, может быть закусить или принять душ, думая,

что получу отказ, ведь квартира Джеки была всего в 5 минутах езды от моей.

Она сказала, что именно этого от меня и ждала приглашения, а иначе бы просто напросилась: ей интересно, видите ли, было всегда знать, как живут интеллигентные одинокие мужчины не самой первой молодости. Звучала она предельно серьезно, как какой-то этнолог при организации объединенных наций, посещающий гетто «отверженных» по служебной необходимости. Мне нечего было делать, как сказать «be my guest».

Моя квартира в то время представляла собою не слишком жилое место – в ней было все новое и отремонтированное. Я готовился к ее продаже, и поэтому установил новую кухню и отремонтировал обе ванны. Когда мужчина живет один, все бывает предельно просто: нет немытой посуды и не стираного белья, нет не выброшенного мусора и гор непрочитанной почты, нет также и многого другого, но не в этом суть.

Мы приехали и разошлись по ванным. Я подумал, что будет неприлично не предложить ей чего-нибудь поесть и попить, поэтому помылся быстро и поспешил к холодильнику. Все было на месте: бутылка итальянского столового вина, значительный кусок копченой форели, овощи и листья для салата. Я вышел из кухни. Диана мылась во весь голос: она что-то пела довольно громко. Я только покачал головой и присел посмотреть телевизор, пока суд да дело.

На одном из каналов показывали полуфинал по теннису из

Англии.

Пение прекратилось, и я почувствовал, что она стоит за моей спиной. Не поворачиваясь, я спросил, не хочет ли она закусить или попить чего-нибудь.

Она сказала, что чуть позже, когда закончится сет.

Во время перерыва для рекламы, я отправился на кухню за чем-нибудь попить. Ее я увидел, возвращаясь в комнату. Диана сидела верхом на кожаном валике дивана, с полотенцем, накрученным тюрбаном на голове, с телом ничем не прикрытым. Непроизвольно мой взгляд скользил и тут и там, я и не собирался этого скрывать. Что меня позабавило особенно – это абсолютное отсутствие волос. Я подошел к ней со стаканом воды и сказал, что она выглядит как пупсик-голышок. Она спросила меня, что это значит. Мне пришлось ей рассказать про массовое производство бесполок кукол в России, и к чему это приводит в последствии. Она очень смеялась. Я подумал про Джеки: как она там занята с материалами к презентации. Диана посмотрела на мои шорты и сказала, что мне, гостеприимному хозяину, не стоит скромничать и прятаться и расстегнула мою ширинку.

Я хотел ее коснуться, чтобы не выглядеть последним варваром, но не тут то было – она просто перевалилась спиной на диван и затянула меня на себя. Это было странное чувство – входить во владения без намека хоть какой-нибудь флоры вокруг, совсем иные ощущения, но результат был не плохим хотя и быстрым – я едва успел ее догнать. Диана не хотела

лежать ни минуты после. Не хотела она и идти в ванную. Она хотела есть да «еще как». Я нашел ей старую застиранную джинсовую рубашку, которая привела ее в непонятный восторг. Пока делал салат и резал рыбу, она достала стаканы для вина и вроде как искала что-то еще. А может мне это только показалось.

Мы ели нашу форель и запивали полусладкой ламбруской, она рассказывала мне про двух русских художников, которые хотели повесить свои работы у нее в галерее. У нее была своя галерея на 53 улице, наследство от бабки. Я понял, что она очень обеспечена, но думал о том, что она похожа на свою мать во время акта.

Диана вела себя очень раскованно: не смущаясь, она отодвинула мое колено, чтобы смотреть на мой орган. Я сказал, что мне было бы интересно посетить ее галерею и что она была похожа на Джеки, когда я был с ней, а сейчас совсем не похожа. Она засмеялась и сказала, что они кровные родственницы. Потом склонила голову и бережно вынула из-под себя хрустальную рюмку с моим семенем в ней. Она поставила ее на стол и серьезно мне сказала, что сейчас она быстренько пописает. И мы пойдем в спальню любить по-настоящему, что у меня очень выгодно расположены окна спальни: если их открыть и включить ночник, то с 3 балконов по диагонали нас будет видно и что, кроме того, всем будет слышно, как мы тут бодрствуем. И подкупаяще улыбнулась.

Сходив в туалет, Диана достала свой мобильник и позво-

нила матери. Она сказала, что звонит из поезда по пути домой, что мы неплохо поиграли в теннис, что я был настоящий джентльмен – не дал ей умереть от голоду и проводил на поезд, но зачем ей, Джеки, нужен такой старый пердун – не может, что ли, она найти себе кого-нибудь помоложе. И повесила трубку.

Мы не спали всю ночь. Нельзя же считать сном, когда ты проваливаешься как в люк на пару минут и, бац – уже опять не спишь.

Она оказалась приличной крикухой – ойкальщицей и успокаивала меня сомнительными «я еще и не так могу.»

Диана доела все, что было возможно из холодильника, и ходила в моем пиджаке на голое тело с горящей свечой в руках перед картинами на стенах – очень профессионально давала объяснения о стиле письма и «попытки выразить», «в тот или иной период творчества». Я ее похвалил. Она сказала, что в бедные студенческие годы делала это для американцев в мадридском Прадо.

Я проснулся от телефонного звонка, но до телефона мне было не дотянуться – маленькое и горячее обхватило меня поперек тела. кое-как сняв трубку, я понял, что опоздал к утренней игре. Было 9:30 утра. Я отключил телефон и опустил тяжелые шторы. Нужно было подумать о завтраке.

Стоя в лифте, я ловил на себе взгляды моих соседей. Видно некоторые из них не спали по моей вине.

Через пару часов Диана проснулась. И сразу заторопилась

уходить. Я едва ей предложил чашку кофе и круассан с черной смородиной. Она просила не провожать ее, что я послушно и сделал.

Где-то, через час, ко мне приехал сын. Мы должны были пойти посмотреть очередную квартиру для него. К тому времени он был покинут девушкой, страдал и не хотел больше жить в квартире, которую еще недавно делил с ней.

Пока я собирался он сидел за столом с остатками завтрака и хрустальной рюмкой с моей спермой. Иногда он похож на меня своим поведением, как и должен быть похож сын на отца. Он посмотрел на рюмку и сказал, что этот белок выглядит и пахнет, как сперма.

Я сказал: «Отлично, инспектор Мигрень – это и есть сперма». Он покрутил пальцем около своего виска.

С Джеки у нас все шло своим чередом: мы бегали и мылись, ужинали и любились. Через неделю мимолетно я спросил ее о Диане. Она сказала, что Диана была о мне очень высокого мнения, просила передать, чтобы я заглянул к ней в галерею, когда захочу, и передала мне ее номер телефона.

Через несколько дней я не удержался и позвонил ей. Диана сказала, чтобы я приехал на машине в следующую пятницу на открытие вернисажа, а потом пригласила себя ко мне играть в теннис. Я согласился.

После открытия выставки мы поехали к ней домой за вещами. У нее была шикарная квартира с видом на Гудзон. На стенах весело музейного качества художеств на сотни тысяч

долларов.

Одно полотно привлекло мое внимание — обнаженная женщина смотрелась в зеркало и играла со своим соском. Диана посмотрела на меня и сказала, что настоящее искусство вызывает не только подъем чувств, но и эрекцию. Я был готов к следующему ее движению. Она расстегнула и спустила мои брюки ниже колен, и мы сделали это как-то на ходу: она просто задрала платье. Я никогда не думал до знакомства с ней, что бесцеремонность может иметь такую сексуальную провокационность и возбуждать в короткий срок.

Тем вечером мы играли в теннис как старые партнеры. На Диане были теннисные трусы, но юбочка была короче, чем это принято для обычной игры в теннис.

Где-то на третьем сете вдруг все прожектора и лампы погасли. Голос из громкоговорителя попросил всех оставаться на своих местах во избежание падений и последующих возможных переломов и других увечий, пока не дадут освещение.

В крошечной темноте были слышны голоса людей на соседних кортах.

Через минуту мои глаза привыкли к темноте, и я увидел Диану, стоящую совсем рядом со мной. На ее теннисной ракетке, как для ночной просушки были нанизаны трусы. Вся эта инсталляция покоилась в одной из ячеек сетки. Руками Диана держала края юбочки, которую и некуда было задирать. Она уже привыкла не спрашивать меня, а просто по-

лагаться на свои желания и стянула с меня шорты. Темно-та обещала быть долгой, и мы целовались в первый раз, как безумные.

Потом ее нога взлетела наверх сетки, и я был в ней.

Неожиданно включили свет. Игроки с соседних кортов сделали вид, что не замечают нас или, действительно, не замечали. Мы схватили свою одежду и придали себе спортивно-нормальный вид.

В ту ночь мы спали дольше, а утром завтракали, как если бы делали это много раз до того. После завтрака Диана вышла на балкон покурить. Она достала свой мобильник и сделала несколько звонков. Потом позвонила своей матери. Они говорили о вчерашнем открытии выставки.

Я был довольно напряжен от дурного предчувствия. В конце разговора Диана сказала, что она сейчас у меня, что мы недавно встали, но уже позавтракали, И что я «ничего себе ходок», а не старый пердун, как она думала в прошлый раз. И повесила трубку.

Мы не смеялись, но и не кричали. Я проводил ее на поезд и никогда не видел с тех пор.

Джеки не ездила больше в моем вагоне на работу. Мои беговые тапки и другой спорт инвентарь пришел от нее по почте. Я продолжаю делать свои забеги в одиночестве.

Глава пятая

Сказочник нашел ее, подпирающей стену, стройной каритидой. В ее руках была открытая книга, но она не выглядела, как если бы ее читала. Он подошел к ней. Вика была задумчива и прекрасна.

«Так наверное выглядят люди в храмах знаний, когда по-настоящему отдаются интересующим их предметам и имеют возможность черпать то, за чем пришли. Она и выглядит сейчас как-то академически эротично» – подумал он и ухмыльнулся очередной своей фантазии. Он оставил ее чемоданчик посреди зала и подошел к ней тихо и невидимо. Вика и в самом деле уже не читала, но еще и не вынырнула на поверхность из прочитанного. Она думала о Мистере случае, который старым барбосом может спать долгие годы в своей уютной будке и не высовывать носа из-под хвоста, пока какой-то шалый сирокко, совсем не свойственный для их широт, не унесет в небо родную будку, и все сразу переменится. Потом она вспомнила про маленького французского офицера, который выбился в знаменитые ученые, и сказал, что случай – это тоже закономерность.

Сказочник осторожно взял ее за руку и спросил, все ли в порядке и могут ли они следовать дальше. Вика посмотрела на него новым для обоих взглядом и сказала, что она именно для этого сюда и приехала, но сначала хотела бы попасть в

туалет. Сказочник был рад, что она а happy camper – ведь они еще толком и не присели.

Слон находился всего в нескольких кварталах, так что очень скоро они поднимались по винтовой лестнице, устроенной в правой ножище, в свой номер.

«Некоторые определенно зажрались – им бы пожить в памятнике настоящей старины» – думала Вика, заглядывая в шкафы и на полочки, пробуя халат на пушистость, а шампунь на мылкость и пенистость. Все было реальным и готовым к немедленному употреблению. Сказочник сидел на краю кровати и не отрываясь смотрел на нее. Как только обход войск был завершен и парад принят, он притянул ее к себе на колени и обнял за талию.

«Какие смешные у них туалеты в книжных магазинах, старинные с цепочками и журчат, как горные водопады или даже как прорванные трубы.» – Задумчиво произнесла Вика и сразу подумала, что это ценное наблюдение сейчас особенно уместно.

Сказочник облизнул губы и сказал, что у него еще не было возможности заглянуть в женский туалет, чтобы самому в этом всем убедиться. Она повернулась к нему лицом и перекинула одну ногу на другую сторону его коленей и спросила: «Выпить хочешь? У меня с собой есть в чемодане».

Но он уже не мог слушать ни про цепные унитазы, ни про дармовую выпивку – он просто упал на спину с ней наверху и обнял ее по-настоящему. Ее губы застыли в очередном

предложения и встретились с его, мягкими и умелыми. Вика замерла в предвкушении на долю мига, но потом жадно и быстро наверстала упущенное время. Они целовались жарко и долго, пока почти не начали хрипеть от явной нехватки воздуха у обоих и не отпрянули одновременно. Его глаза смеялись, и очки были немного на боку. Вика сняла их властной рукой и кинула, не глядя, на что-то мягкое для сидения. Следующий раунд нежности начался со скоростного, как в немом кино, срывания одежды. причем каждый из них был уверен, что другой делает это недостаточно быстро и в не правильном порядке, поэтому без помощи ему не обойтись. Через минуту, стоя в одних носках, они увидели свои отражения во множестве ранее незамеченных зеркал. Как и задумано – это только увеличило взаимное желание, и они медленно встретились, как в ритуальном танце. Все опять замелькало. Простыни оказались не льняными, а шелковыми и пахли не лавандой, а африканской фиалкой. Их ноги и руки переплетались в нестойкие косы, расплетались, чтобы соединиться снова другим орнаментом. Вика чувствовала, что терпеть больше и дальше не имеет смысла и проводила сказочникову руку к началу тропинки, и путешествие началось. Он был нежен и спешил, не торопясь. Вика чувствовала касания его языка в различных местах почти синхронно, а ее зубы уже слегка терзали его плоть. Они соединились и не были удивлены происшедшему. Он соединялся с ней и раньше и наверное научил ее не удивляться этому. Правда, дальше

этой точки она пока никогда не заходила. Вика испытывала восторг сходный с тем, как когда стоишь на вершине снежной горы, и твоя очередь скатываться вниз, сзади тебя почти догнал кто-то, но ты уже несешься по накатанному насту в упоительной скорости, считая перед собою все...

Она поняла, что кричала по сухости во рту. Сказочник лежал рядом и заботливым домиком ладони согревал ее грудь. Вика повернулась к нему лицом и провела пальцем по его губам: " У нас есть сигареты?»

Сказочник поцеловал ее в открытую ладошку и перекатился на край кровати. Сигареты нашлись в одном из его чемоданов. Вика лежала на спине с согнутыми в коленках ногами и смотрела на него изучающе: " Несмываемый загар от бесконечных поездок в пост колониальные страны, суховатые ноги бегуна по случаю и руки – как с другого тела...» В дыму раскуренной сигареты сказочник выглядел шаманом между сеансами по борьбе с неизвестным вирусом.

...Они стояли под душем и по очереди затягивались одной сигаретой. потом мылись быстро, чтобы хоть куда-нибудь успеть. Вика говорила, что ей надо зайти в пару мест, адреса которых у нее в мобильнике и купить несколько подарков для людей...

В белом махровом халате она склонилась над своим чемоданом. размышляя что же ей сейчас лучше одеть – *ведь все-таки уже вечер, а с другой стороны, может быть они и не пойдут ни в какое центровое место – так что же тогда...*

Сказочник обратил внимание, что у Вики какие-то проблемы с открытым чемоданом: она трясла перед ним кулачками и покачивала головой, но при этом молчала. Он подошел и заглянул в чемодан через ее плечо. Там лежали аккуратно сложенная черкеска с газырями, сапожки из козлиной кожи и сувенирный кинжал с памятником Шота Руставели.

Она медленно повернулась и неуверенно произнесла: «По-моему, это не мой чемодан, и все в нем – не мое».

Сказочник поцеловал ее в полосочку шеи над махровым воротником и сказал, что у него припасен другой чемодан для нее, правда, без сапожек из козлиной кожи, но там есть все необходимое для женщины ее стати и ума.

– При чем здесь ум?

– В английском языке есть такое понятие smart dress. Если перевести буквально на русский, то это не будет иметь особенного смысла, потому что еще до недавнего времени, одеваться в России приходилось во что попало. Smart dress – это когда одежда оттеняет и подчеркивает, модна, но не криклива, удобна, но не обязательно, Проста и конечно же – не дешева, потому что ее выпускают далеко не все компании и в не в больших количествах. Тебе навряд ли это интересно – лучше пойдем, и я тебя одену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.